

Д. М. Залесский

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Собирая разные сведения, касающиеся Ботанического сада Ленинградского университета, его строительства А. Н. Бекетовым, деятельности и т. п., я наталкивался на различные материалы, не имеющие непосредственного отношения к истории Ботанического сада, но, как мне кажется, могущие иметь значение для истории Университета в целом, а также материалы, имеющие отношение к кафедре ботаники и к тем людям, которые так или иначе были связаны с Ботаническим садом и с кафедрой ботаники.

Поскольку дальнейшее собирание материалов по интересующим меня вопросам требует специального времени, поисков и исследований, на что у меня не хватает времени, я решил изложить ниже собранные мною сведения и материалы для того, чтобы они могли послужить в будущем для тех, кто будет интересоваться историей Университета.

В стенах нашего Университета обучается огромное количество молодежи, работает большое число сотрудников от ученых до служащих и рабочих. Но мало кто знает свой Университет, живя настоящим и будущим. Прошлое же полезно и поучительно и поэтому требует того, чтобы оно стало известным как можно большему числу людей, имеющих отношение к современному Университету. Пусть даже та малая доля из истории Университета, которой располагает автор этих строк, станет им известной.

Четыре поколения лиц, носивших фамилию, которую носит автор, являются потомками Петербургского—Ленинградского университета. Для всех них Университет — Альма Матер. Об этих поколениях я бы и хотел сообщить самые общие сведения.

Священник Иван Феофанович Залесский решил сделать своего сына Дмитрия своим преемником в сельском приходе одного из сел Пореченского уезда Смоленской губернии и для этого поместил его для обучения в Смоленскую духовную семинарию. Дмитрий отличался большим пристрастием к чтению книг, особо выделяя среди них книги, посвященные физике и химии. Против воли отца он оставил семинарию и поступил в Петербургский университет. Под влиянием своих первых учителей А. М. Бутлерова и Д. И. Менделеева он отдал предпочтение химии и стал их учеником и последователем; особенно он почитал своего тезку Дмитрия Ивановича Менделеева, который был ближе по возрасту. Д. И. Залесский (1843–1921) по окончании Университета поступил на службу в Технический Комитет при Орловском Акцизном Управлении, где заведовал химической лабораторией.

В памяти автора сохранился рассказ, как однажды, в 1880-х гг., направлявшийся на юг Д. И. Менделеев решил заехать по пути в Орел навестить Д. И. Залесского. Получив сообщение о предстоящем прибытии Д. И. Менделеева, дед мой, предупредив свою экономку (к этому времени он овдовел), чтобы она к встрече великого ученого приготовила все необходимое к столу, взял извозчика и отправился встречать гостя.

Залесский Дмитрий Михайлович (1910–1987) — директор Ботанического сада университета в 40–70-е гг. XX века.

© Д. М. Залесский, 2013

Встретив и привезя с вокзала Менделеева к себе, он, усадив его поудобнее, стал занимать разговорами о себе, о тех работах, которыми был занят. Шло время, а стол не накрывался. Тогда дед, извинившись, вышел к экономке и спросил, почему так долго та не подает на стол. Экономка ему отвечала: «Вы говорили, что привезете великого ученого, а вместо него привезли какую-то волосатую бабу!» — «Что ты, дура, это он и есть ученый Менделеев и на бабу совсем не похож. Подавай скорей и про водочку не забудь...». За полночь сидели и беседовали старые приятели. У нас в семье была фотография, снятая на фоне стены здания Же-де-Пом. Это была группа бородатых людей, в центре сидели А. М. Бутлеров и Д. И. Менделеев, среди стоявших был и мой дед Д. И. Залесский. К сожалению, эта фотография сгорела при пожаре в 1943 г. во время войны 1941–1945 гг.

Сын Д. И. Залесского Михаил (1877–1946) проявил интерес к ботанике, занимался астрономией, строил своими руками ньютоновский телескоп, для которого шлифовал стекла, в 1896 г. поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, где специализировался по кафедре ботаники у А. Н. Бекетова и Х. Я. Гоби. По окончании Университета в 1901 г. Михаил Залесский получил назначение в Екатеринбургское Горное училище в качестве ассистента, где вел курс палеоботаники. Он перевел для своих слушателей в качестве пособия главу из книги Потонье «Палеоботаника». В ходе работы в Горном училище под руководством Ф. Н. Чернышева и Л. И. Лутугина М. Д. Залесский увлекся ископаемыми растениями. Если его первые печатные работы были чисто ботаническими, то с некоторых пор они были связаны с изучением ископаемых растений, стратиграфией угольных бассейнов, генезисом углей и несколько работ — об ископаемых насекомых. В период организации государственного учреждения по изучению геологии страны (1904 г.?) — Геологического Комитета — был привлечен Ф. Н. Чернышевым и Л. И. Лутугиным к его организации и переехал в Петербург.

Сыновья М. Д. Залесского — Юрий, Дмитрий и Ростислав — окончили Ленинградский университет: Юрий — зоолог у В. А. Догеля, Дмитрий, автор этих строк, — ботаник у В. Л. Комарова, и Ростислав — зоолог-эколог у Д. Н. Кашкарова. Дмитрий, выезжая с отцом на полевые геологические работы, готовил себя к работе в области геологии и поступил в Киевский Геолого-разведочный институт, но не окончил его. Работал в Донбассе по ископаемым растениям, в Угольном институте, во ВСЕГЕИ; в 1932 г. поступил на экстернат Биологического факультета Ленинградского университета, который окончил по кафедре ботаники в 1937 г., но сдал государственные экзамены в 1940 г. одновременно со своим младшим братом, с которым был особенно дружен. В промежутке между окончанием курса и сдачей государственных экзаменов работал в различных экспедициях как геолог от ВСЕГЕИ и как ботаник от БИН АН СССР.

В 1940 г. поступил в качестве научного сотрудника в Центральный парк культуры и отдыха им. С. М. Кирова в Ленинграде, где вел работу по обследованию насаждений и травянистого покрова парка. В 1941 г., когда началась Великая Отечественная война 1941–1945 гг., работал в мастерских по обслуживанию фронта, а в 1942 г. был взят на военный учет и служил в Военной пожарной охране НКВД г. Ленинграда, был контужен при артобстреле и в 1945 г. демобилизован по инвалидности (рис. 1). Вернулся на работу в ЦПКиО, где продолжал работы по учету состояния насаждений парка и организовал специальный участок, куда привлекал новые виды растений, интересные для садоводства, с целью их демонстрации посетителям парка. В июне 1945 г. территория, на которой размещался этот участок, была отдана руководством парка для

Рис. 1. Д.М. Залеский
после демобилизации

размещения пионерского лагеря, и Д. М. Залеский вынужден был оставить работу в ЦПКИО. В это время в газете «Вечерний Ленинград» появилось объявление Университета о приглашении на должность директора Ботанического сада. Претендентов было трое. В результате конкурса М. Д. Залеский оказался во главе университетского Ботанического сада, в котором был в раннем детстве с отцом и позже — в качестве студента кафедры ботаники...

Сад и его коллекции были почти полностью разрушены войной и необходимо было его возродить.

1946–1961 гг.

Прошло тридцать пять лет с тех пор, как пишущий эти строки оказался во главе Ботанического сада Ленинградского университета, достаточно продолжительный период для того, чтобы оглянуться назад и подвести итоги сделанному за истекшие годы. Позволю себе кратко в хронологической последовательности рассказать об этом.

Я впервые попал в Ботанический сад Ленинградского (тогда Петроградского) Университета, когда мне было около шести-семи лет, в ту пору, когда уже не было в живых его основателя А. Н. Бекетова. Мой отец, М. Д. Залеский — ученик А. Н. Бекетова и Х. Я. Гоби, был в дружеских отношениях с ученым садоводом, фактическим главой Ботанического сада с 1893 г., Рудольфом Федоровичем Ниманом и часто по воскресным дням навещал его и беседовал с ним по-немецки на ботанические темы.

В одно из таких посещений он взял с собой меня и старшего брата Юрия, и мы были гостями Р. Ф. Нимана. Он жил на первом этаже здания, где сейчас размещается кафедра генетики и селекции. Это здание, в то время принадлежавшее Ботаническому саду, после 1918 г. было использовано для Университетской поликлиники, а в послевоенные годы — для части кафедры генетики. В одной из комнат квартиры Р. Ф. Нимана из окна была лесенка, которая вела на веранду и в сад.

Такие посещения Р. Ф. Нимана повторялись несколько раз (мы тогда жили на 11-й линии в д. № 44). Отец, занявшись беседой с Рудольфом Федоровичем, отпускал нас с братом в сад, где мы, играя, заглядывали в разные его уголки.

Когда я попал в Ботанический сад спустя много лет, в 1946 г., у меня в памяти всплыли впечатления детства, которые впоследствии дали мне возможность попытаться восстановить облик отдельных уголков сада в том виде, как они запечатлелись с тех пор.

Я хорошо помнил грот за прудом, гранитные камни, лежавшие на вершине горки, возвышавшейся рядом с ним... Ни грота, ни камней в 1946 г. не оказалось. На горке одиноко лежал один камень и больше ничего. Не помню, от кого я слышал рассказ о том, что камни были перемещены в сад в 1869 г., когда был вырыт (с целью осушения территории) пруд, и будто эти камни лежали до этого во дворе у здания Же-де-Пом (ныне Спортздание) со времени неоконченной постройки данного здания в царствование Елизаветы Петровны, дочери Петра I, строившегося для игры в мяч (теннис).

Преемником А. Н. Бекетова в качестве заведующего кафедрой ботаники был Х. Я. Гоби. Он же по традиции был формальным директором Сада, называвшегося тогда Ботаническим институтом и садом. Фактически же руководить Ботаническим садом продолжал вплоть до своей смерти в 1920 г. Р. Ф. Ниман. Его место в 1920 г. занял Николай Романович Каминский, с которым я имел удовольствие быть знакомым в период моего студенчества (с 1932 по 1937 г.), когда я часто вместе с однокурсником Борисом Мишкиным посещал оранжерею и интересовался содержащимися там растениями. Н. Р. Каминский был милейшим и весьма эрудированным ботаником и садоводом, а его помощником был библейского вида старик садовник Эрнест Карлович Черкас, погибший от голода в 1941 г. Судя по сохранившемуся у меня с тех пор впечатлению, тогда был трудный период жизни Сада, так как средств на его содержание выделялось крайне мало; штат состоял из пяти человек, необходимые для текущих нужд средства добывались путем устройства и продажи аквариумов с растениями и рыбками. К этому времени Ботанический сад потерял свое прежнее лицо и превратился в бедный придаток кафедры ботаники. Н. Р. Каминский оставил Сад в 1937 г. в связи с ложным на него доносом и был выслан на Север, где и скончался¹. На короткое время во главе Сада оказался автор доноса, некто Тараканов, которого я помню как руководителя летней практики по ботанике студентов в Саблино, о котором у нас, студентов, сложилось очень невысокое мнение (он, правда, вел практику только со студентами не нашего факультета).

В 1938 г. Сад возглавил Г. Г. Коломыцев, по специальности физиолог растений, на долю которого выпал, пожалуй, самый тяжелый военный период жизни Ботанического сада. Благодаря его усилиям была сохранена значительная часть оранжерейных растений, из которых 319 видов, в виде крупных экземпляров, были переданы в 1942 г. для восстановления погибшей части коллекции растений Ботанического сада АН СССР, и 280 видов сохранено в крайне трудных условиях почти до окончания Великой Отечественной войны.

Перед началом войны в оранжерее Ботанического сада было около 900 видов растений. После попадания вражеской бомбы в 1942 г. в здание Университетской столовой и разрушения взрывной волной остекления оранжереи, а также в связи с истощением запаса топлива растения были перенесены в ближайшие госпитали, помещавшиеся в здании Исторического факультета и Акушерско-гинекологического института им. Отта. Большая часть растений оказалась в последнем. Они были размещены в широких и довольно светлых коридорах. В период массового поступления раненых, особенно во время прорыва блокады Ленинграда и наступления на фронте, стоявшие здесь растения многократно перемещались, подчас в неблагоприятные условия, в результате чего погибали.

В одно из посещений госпиталя командующим Ленинградским фронтом генералом армии (впоследствии маршалом) Л. О. Говоровым, его внимание привлекли стоящие там крупные пальмы. Через некоторое время, с разрешения Университета, по его просьбе шесть пальм были перевезены в Штаб Ленинградского фронта, где простояли до окончания войны и, таким образом, были немymi свидетелями всех решений о наступательных операциях на Ленинградском фронте. Они были возвращены Ботаническому саду в 1945 г. Из шести пальм, находившихся там, сейчас сохранились четыре

¹ Значительно позже его доброе имя было восстановлено, а сам он реабилитирован.

(три — подаренные М. С. Ворониным и почти ровесники Сада, одна — в начале войны отданная Саду, принадлежавшая академику А. А. Полканову). Две пальмы погибли позже из-за неблагоприятных условий, связанных с недостаточной высотой оранжереи (одна — в 1960 г., вторая — уже в период постройки новой оранжереи в 1973 г.).

Ко времени начала моей работы в Ботаническом саду, мой предшественник — Г. Г. Коломыцев предпринял размножение сохранившейся части растений, и их количество в ряде случаев оказалось выше коллекционных потребностей. Это было оправдано необходимостью удовлетворить требование руководства Университета о предоставлении растений для украшения помещений, расценивавшего роль Сада как садоводства.

Сотрудников в Саду тогда было немного, но они в большинстве были представлены закаленными войной, честными, преданными делу труженниками. Среди них я не могу не назвать в первую очередь Л. Д. Шматок, М. А. Королеву, А. П. Виноградову, А. Н. Красавину, Ф. Б. Малыщик и ряд других — приглашенных уже мною — Е. П. Садовникову, В. В. Иванова, В. С. Пешину, Е. В. Блинникову, А. Л. Укконена, Е. Л. Мозголину и др. Некоторых из этих замечательных людей уже нет в живых, некоторые ушли на пенсию, но память о них сохранится в виде живых растений выращенных их тру-дами.

За истекшие годы сменилось громадное количество разных сотрудников, большая часть из них прошла бесследно, другая же оставила о себе добрую память. Пребывание в Саду большей части сотрудников было случайным в их жизни и потому кратковременным. К сожалению, таковым оно остается для большинства сотрудников и по настоящее время...

В пору моего прихода в Сад разрушения, нанесенные войной в 1941–1945 гг., еще чувствовались во многом. Территория была крайне запущена, замусорена; еще не были полностью ликвидированы остатки щелей, служивших для укрытия при бомбежках и обстрелах остававшимся в Ленинграде сотрудникам Университета. При входах в Сад по одну и по другую стороны оранжереи были устроены парники для выращивания овощей. Парники обогревались навозом, поэтому рядом с ними лежали кучи полуперепревшего и свежего навоза. Слева в конце оранжереи возвышалась большая куча гари и другого мусора из битых горшков, стекла, погибших растений, накопившегося во время войны. Ограды в большей части не было: стояли покосившиеся деревянные ворота и вместо ограды кое-как сколоченные старые доски и палки, со стороны Физического института — ряд разнокалиберных частных сарайчиков, собранных из подручного материала — ящиков, листов железа и т. п.; вдоль стены здания, против бывшей квартиры Р. Ф. Нимана, лежали штабелями дрова и их отходы. На территории парка, левее оранжереи, в 1937 г. временно (на 2 года) был построен собачник, оставшийся из-за войны и после истечения этого срока. Вокруг него возвышались кучи мусора, навоза, остатки погибших животных и пр. На горке, что рядом с гротом, из-за отсутствия забора была возникшая стихийно общеуниверситетская свалка и помойка. На участке, расчищенном для индивидуальных огородных грядок сотрудников Университета в годы войны (теперь участок декоративно-цветочных растений), возвышались разного размера кучи и кучки строительного и прочего мусора, выкопанного с этой площади, служившей многие годы университетской свалкой после ликвидированного там дровяного склада. Здесь были битые кирпичи, известковые камни и плиты, булыжник и т. д. На месте, где сейчас расположен, правда, тоже уже запущенный, участок си-

стемы растительного мира, служащий для преподавания, видны следы гряд, заросших бурьяном; во всех углах мусор, грязь, запустение...

Оранжерея была полуразрушена, кирпичные стены рассыпались, деревянные конструкции сгнили и вот-вот могли обрушиться, хотя она и была остеклена силами сотрудников Университета и использовалась для выращивания овощей для университетской столовой, для чего над бетонными стеллажами были сделаны ярусы из временных деревянных полок и стеллажей. Здесь же были размещены растения, перенесенные из госпиталей; полы оранжереи были земляными и поэтому после поливки всегда грязными. Единственным помещением, которое было и кабинетом директора, и конторой, и библиотекой, и местом хранения семян была маленькая шестиметровая конторка садовника. Помыться и переодеться было негде, канализации не было; ее заменяла будочка, построенная за сараем. Сад лишился каких-либо подсобных помещений, которые были у него изъяты или разобраны из-за ветхости. Правда, сохранился дощатый сарай, построенный еще в 1910 г., с пристройкой 1927 г., где хранились материалы и инвентарь.

Сотрудников было мало. Штат Сада состоял из директора, старшего лаборанта, двух лаборантов и шести рабочих. Единственным специалистом среди них была моя бывшая сокурсница по Университету Л. Д. Шматок.

Передо мной возникали большие и сложные задачи, требовавшие по существу полного воссоздания Ботанического сада, наряду с необходимостью сразу же обеспечить нормальный процесс учебных занятий на кафедрах, где полным ходом шло обучение изголодавшейся по знаниям молодежи.

Весь Университет, недавно возвратившийся из эвакуации, не был полностью восстановлен, поэтому на долю Сада могли выделяться очень ограниченные средства. Полагаться можно было только на силы своих сотрудников и свои собственные. Пришлось взять на себя многие функции, в том числе садовода, ученика и учителя. Особенности культуры оранжерейных растений для меня знакомы не были. Мне пришлось много читать, делать и наблюдать, познавая эти особенности. Нам в Университете не излагались вопросы, которые неизменно возникали в ходе работы, однако я с чувством признательности вспоминаю все то, что мне дало университетское образование — это, прежде всего, широту взгляда на наблюдаемые явления природы и умение применить те теоретические сведения и знания, которые я получил в его стенах. Мне также пригодился и мой многолетний жизненный опыт и знания. Обретая новые знания, я сразу же делился ими со своими сотрудниками, рассказывая им о прочитанном и познанном мною материале, или составляя для них элементарные карточки с указанием основных требований по уходу применительно к каждому виду растения. Мне также пришлось взять на себя функции руководителя работ по благоустройству и озеленению университетского двора. Для этой цели выделялись от разных подразделений университета люди, некоторых из них я мог использовать в Ботаническом саду, а в мое распоряжение поступали также транспортные средства, которые использовались для перевозки грузов в Саду. Я составил проект на эти работы, добывал в разных питомниках посадочный материал, привозил его и высаживал во дворе главного здания, исторического и филологического факультетов и на Красной улице, где размещался тогда географический факультет. В 1947 г. я организовал при Саде кружок любителей растений, куда вошли некоторые преподаватели, студенты и любители города, с которыми я вел занятия, и которые 1–2 раза в неделю вечерами приходили в Сад помогать.

В зимние месяцы, когда объем работ несколько сокращался, я совершал поездки в разные ботанические сады, где, проводя свой отпуск, отбирал растения, черенки, семена, клубни и луковицы для нашего Сада и привозил их в Ленинград. Иногда удавалось совершать такие поездки и в виде командировок. В результате я привез много растений из Москвы, Риги, Каунаса, Таллина и Вильнюса, не говоря уже о Сухуми, Батуми и Сочи. В этот период, т. е. с начала моей работы до 1949 г., были учтены все уцелевшие деревья и кустарники (85 видов из 140 до войны) и высажены взамен погибших 40 видов деревьев и кустарников. Одновременно был заложен маленький питомник, где были сделаны посевы древесных растений семенами. В этом питомнике были поставлены опыты по акклиматизации белой акации и ряда других экзотов. В результате этой работы сейчас в Саду имеется несколько хорошо развитых растений белых акаций, ежегодно цветущих, плодоносящих и приносящих полноценные семена. Собирались также и травянистые растения, как дикорастущие, так и культурные. Они высаживались на специальных участках и на куртинах в Саду. Это были участки системы местной флоры, декоративно-цветочных, лекарственных и технических растений. Создание участка декоративно-цветочных растений явилось откликом на обращение 4-й сессии Ленгорисполкома к научным учреждениям города помочь расширению ассортимента растений для озеленения города. Этим участком ведала Л. Д. Шматок. Участок лекарственных растений был создан в связи с тем, что в этот период в течение нескольких лет у нас в Саду проходили ботаническую практику студенты Фармацевтического института.

Летом 1947 г. наша оранжерея была приведена в относительно сносное состояние, позволявшее содержать в ней растения. Было отремонтировано остекление, сломаны временные деревянные стеллажи и т. п.

По вечерам на ручной тележке я навозил лещадных плит, которые в это время снимали из-под университетских арок в связи с асфальтированием. Этими плитами я вымостил полы в оранжерее, а битые плиты использовал для окантовки дорожек.

Территория Сада очищалась от мусора. Этой работой занимались все сотрудники определенное количество времени ежедневно. В результате было вывезено 80 автомашин мусора. Парники по сторонам оранжереи были ликвидированы и взамен построены новые в стороне.

В связи с моими настойчивыми просьбами в 1948 г. ректором Университета была создана комиссия, которая установила острую необходимость капитального ремонта и реконструкции оранжереи, а также постройки новой. Износ конструкций оранжереи был определен в размере 70%. Однако в связи с уходом ректора из Университета и рядом других обстоятельств (А. А. Вознесенский покровительствовал Ботаническому саду Университета) дальнейшие действия в этом направлении затормозились.

Параллельно с восстановлением коллекций растений и их выращиванием мною велась работа по составлению списка растений для использования его при преподавании. С этой же целью, когда растения нашей флоры недоступны для обозрения в зимние месяцы, я предпринял в опытном порядке их зимнюю выгонку, что пользовалось немалым успехом, но, к сожалению, через несколько лет было прекращено из-за отсутствия места.

Основываясь на воспоминаниях детства, вечерами и по воскресным дням, когда я оставался один, я сделал раскопки на месте ранее существовавшего грота. В ходе раскопок обнаружил два больших гранитных прямоугольных камня, которые,

по-видимому, обрушили свод грота. Убрать их у меня не хватало силы, поэтому, вырыв специальное ложе, один из них передвинул с помощью домкрата и деревянных круглых катков, а второй сдвинул в сторону так, чтобы он не мешал дальнейшим раскопкам. В результате мне удалось раскопать остатки грота, рассортировав весь материал и сложив в сторону, обнаружил основание грота. На следующий год из собранных частей и старых, собранных в разных местах, кирпичей на цементном растворе мною был выложен свод, снаружи и изнутри отделанный туфом, примерно в том виде, каким грот запомнился мне с детства.

Также вечерами из куч гари и мусора, накопившихся за годы войны и находившихся поблизости от оранжереи, выбрав железо и прочий подобный материал, я соорудил альпийскую горку, отделав ее известковыми камнями, выбранными также из мусорных куч. Из других куч мусор был набран и вывезен, а кучи разровняли. В этот год мы приобрели в совхозе Щеглово несколько десятков кустов роз, которые я высадил слева от оранжереи, на месте сломанных парников.

В том же 1948 г. произошли события, которые на несколько лет помешали дальнейшему восстановлению и благоустройству территории Ботанического сада. Это последствия сессии ВАСХНИЛ и намерение физиков строить в соседстве с Садам циклотронную лабораторию, а также связанные с этим притязания на использование территории Сада для прокладки подземных коммуникаций.

В результате сессии ВАСХНИЛ у нас была отобрана часть расчищенного для посадок участка и на нем размещены кролики, морские свинки, куры, построен сарай и т. д. В связи с проектированием циклотрона решался вопрос прокладки через Сад водопровода, кабеля, подъездных путей. Противостоять этому мне одному было чрезвычайно трудно, в Университете искать поддержки было невозможно. Тем не менее все эти намерения были отвергнуты после моего обращения в очень высокую инстанцию за пределами Университета (Сталин).

Для изоляции собачника с его грязью и безобразиям на прилегающей территории мною был построен временный забор, скрывший от взоров неприглядную картину, хотя проход в образовавшийся дворик сохранился через Сад.

В итоге проведенной нами работы за три года, с 1946 по 1949 г., коллекции Сада значительно пополнились. В оранжерее количество видов растений превысило 800, в открытом грунте — перевалило за 2000 видов и сортов. В 1949 г. было опубликовано составленное нами пособие-справочник «Растения Ботанического сада», ч. I. (оранжерейные растения) и первый после многолетнего перерыва «Перечень семян», насчитывавший 800 названий семян, предлагаемых для обмена.

В последующий период, с 1950 по 1955 г., мы продолжали работу во всех начатых направлениях, хотя периодически и возникали немалые трудности, которые требовали значительных усилий для их преодоления. Так, например, в 1950 г. у Университета возникла необходимость постройки фидерной электроподстанции и лаборатории жидкого воздуха, и городские организации предложили пристроить к оранжерее Ботанического сада. В этом же году у городских организаций возникло намерение строить районную газовую подстанцию на территории Сада. У руководителей кафедры Физического воспитания и спорта в связи с изъятием у Университета территории, на которой находилась спортивная площадка, возникла идея устройства катка в Саду. У санитарно-эпидемиологической станции появилось желание засыпать в Саду пруд как возможный источник размножения малярийного комара и т. п.

Все эти попытки потребовали с моей стороны многих усилий, стоивших затраты времени и нервной энергии, но в результате привели к отмене намерений, угрожавших существованию Сада.

В 1952 г. Ботанический сад был лишен охраны, и его коллекции стали подвергаться порче и хищению. Мои усилия по восстановлению охраны не увенчались успехом, и мне пришлось взять на себя функции сторожа.

Как уже упоминалось, мы были лишены каких-либо рабочих помещений, за исключением шестиметровой каморки, где можно было организовать чистку, веяние и прочую обработку семян. Попытки получить какие-то помещения, несмотря на возникавшие реальные возможности использовать освобождавшиеся и расположенные по соседству, не увенчались успехом. Нам пришлось своими силами сооружать помещение из старого материала, собиравшегося на территории Университета, в результате чего мы его построили, и главным строителем был я. В начале это была попытка построить подобие оранжереи с остекленной крышей, но после года эксплуатации пришлось сделать глухую крышу, которая не пропускала воду. Зимой пользоваться этим помещением было невозможно, несмотря на выложенную там печь. Мы пользовались им с марта до поздней осени, на зиму закрывали. При плохой погоде от топящейся там печи всегда было дымно, в результате чего это сооружение приобрело название «дымного домика». Позже, из-за изобилия поселившихся там бродячих кошек, его переименовали в «кошачий домик». Это строение все же выручало нас до тех пор, пока в 1962 г. не было построено специальное небольшое каменное здание рядом с астрономической обсерваторией. Просуществовал «кошачий домик» до 1972 г., когда был снесен в связи со строительством новой оранжереи; последнее время он служил как сарай.

В 1960 г. был заключен договор с Ленгоринжпроектком на проектные работы по реконструкции оранжереи. В 1951 г. с помощью строительной конторы Университета был построен каменный парник. Это было двухскатное неотопливаемое, заглубленное в землю помещение длиной 26 м и около 3 м шириной, стены которого были выложены из старого кирпича и достигали 60 см высоты над землей. Сверху оно закрывалось парниковыми рамами, опиравшимися на уложенную посередине металлическую балку и стены. Это помещение мы использовали для подращивания растений, для высадки в грунт и для выноски оранжерейных растений на лето, где ощущалась уже значительная теснота. Снесено было это строение в связи с постройкой новой оранжереи в 1972 г. С целью выноски на лето некоторых растений из оранжереи мною были построены еще два и позже — третье маленькое помещение из парниковых рам, основанных на деревянном каркасе, снесенных после реконструкции оранжереи в 1962 г. В 1960 г. также была предпринята реконструкция систематического участка: вместо гряд были устроены ограждения из бетонных плиток, которые изготавливали по трудовому соглашению рабочие-строители. В результате было сделано 600 квадратов, где размещались по естественной системе растения. Эти работы выполнял, главным образом, автор этих строк.

В 1952 г., используя с избытком заготовленные во дворе Университета каменные лещадные плиты, расколотые пополам и более, я оградил поребриком большую часть дорожек в Саду.

Зимой, обнаружив в одной из папок, хранившихся в шкафу моего «кабинета», записки и другие материалы, принадлежавшие работавшему перед войной в нашем Саду крупному специалисту по кактусам В.М. Дьяконову, основавшему нашу коллекцию

кактусов и погибшему во время войны, я занялся приведением их в порядок. Это дало мне возможность ближе и детальнее познакомиться с кактусами и их культурой и на этой основе составить популярную книжку для любителей, посвященную данной интересной группе растений. Зимой мы совместно с Л. Д. Шматок работали над подготовкой 2-й части «Растений Ботанического сада», посвященной растениям открытого грунта.

В августе 1952 г. состоялось организованное Главным Ботаническим садом АН СССР в Москве Всесоюзное совещание представителей Ботанических садов СССР, в котором я принял активное участие, и, где было принято решение о создании Совета Ботанических садов СССР при Президиуме АН СССР.

Зимой я провел свой отпуск в поездке по Ботаническим садам юга, откуда привез большое количество новых растений.

В начале 1963 г. началось печатание составленной мною по материалам В. М. Дьяконова книжки «Кактусы и их культура в комнатных условиях»; перед этим я много поработал над самой рукописью и подбором к ней иллюстраций. В разгар работы в газете «Ленинградский университет» появилась заметка по поводу проверки издательского плана Издательства университета, где в качестве примера печатания неактуальных изданий была в числе других приведена и книжка о кактусах. Нависла угроза прекращения печатания. Издательство предложило типографии рассыпать набор. Для спасения положения нужно было ходатайство и письменный отзыв от авторитетного специалиста-ботаника.

Я обратился за помощью к декану факультета ботаники, но в ответ получил отказ, выраженный следующими словами: «Вы думаете, что мне делать нечего, буду я еще какие-то Ваши кактусы читать» (Тахтаджян).

С помощью одного ботаника из Академии наук, давшего требуемый отзыв, удалось, наконец, восстановить печатание книжки, которая вышла в свет в этом же году, быстро разошлась и стала библиографической редкостью (малый тираж), так как была первой и единственной книжкой на русском языке, а интерес к культуре кактусов принял широкие масштабы. У вдов авторов (второй автор был покойный садовод Ботанического сада АН Н. И. Курнаков) появилась возможность получить причитающийся за книгу гонорар.

Осенью 1953 г. вместе с лаборантом Е. П. Садовниковой мы совершили поездку в Киев, где получили много новых растений, которые она повезла в Ленинград, а я поехал во Львов, откуда тоже привез много интересных новых растений.

Проектирование реконструкции оранжереи Ленгоринжпроектом не состоялось, поэтому пришлось пока искать пути для улучшения наших условий за счет местных ресурсов. Я сам составил проект небольшой пристройки и устройства канализации ко второму отделению оранжереи, которую и осуществил с помощью строительной конторы Университета, в результате чего мы получили небольшую прибавку площади — крохотное помещение для переодевания и первую теплую уборную.

В 1954 г. вышла 2-я часть «Растений Ботанического сада», посвященная растениям открытого грунта, которая явилась пособием-справочником для широкого использования наших растений как преподавателями, так и студентами.

В этом же году, при посредничестве одного знакового геолога, поехавшего работать в Индию, я установил связь с Главным ботаником Индии профессором Сен-Гупта, в результате чего получил семена давно интересовавшего меня своими особыми

морфологическими чертами вида фикуса, описанного еще в 1902 г. французским ботаником Казимиром Декандром, и неизвестного в Ботанических садах СССР. Семена были мною посеяны...

В 1954 г. я привел в порядок подвал для хранения листопадных растений, запасов земли и песка, клубней и луковиц, которые до этого приходилось содержать в неблагоприятных условиях в оранжерее. Одновременно сделал вход в подвал из оранжереи и маленькую пристройку для выгонки растений, оказавшуюся для этого непригодной и используемой нами теперь как кладовка.

Территорию Сада покинули почти все кролики и куры, перевезенные в Петергоф; нам в наследство были оставлены ломаные клетки, навоз, разная рухлядь, мусор и полусломанный сарай. Осталось также около двух десятков клеток, принадлежавших физиологам.

К исходу 1955 г. наши коллекции насчитывали: в оранжерее 1450 видов растений, относившихся к 458 родам из 180 семейств мировой флоры; в грунте — 825 видов дикорастущих растений и свыше 3000 видов и сортов декоративно-цветочных растений, которыми всецело занималась Л. Д. Шматок.

Все эти годы мы принимали активное участие в городских выставках цветов, где наша деятельность в области обогащения ассортимента растений для озеленения получала высокую оценку в виде многочисленных грамот и благодарностей. Мы передавали городу семена и другой исходный материал, снабженный рекомендациями по их первичной агротехнике.

За годы, прошедшие после войны, наши растения в оранжерее не только увеличились в количестве, но и сильно выросли, в том числе наши знаменитые пальмы стали упираться в стеклянную крышу и обгорать на солнце. Дальше содержать их в этих условиях было невозможно. Поэтому пришлось искать пути их сохранения. В результате, после нелегких хлопот они были перевезены на срок до двух лет в одну из высоких оранжерей Управления садово-паркового хозяйства Ленгорисполкома на Каменном острове.

К 1956 г. в нашей коллекции было собрано свыше 50 видов рода Фигус. Они были получены в виде черенков с различными, чаще всего неправильными названиями. Поэтому, с целью проверки их определений, я должен был заняться просмотром всего гербария этого рода, имеющегося в Ботаническом институте АН СССР и представленного более чем 400 видами, а также знакомством в Библиотеке института с большим количеством литературных источников, посвященных их описаниям по флорам различных материков земного шара. В результате было просмотрено свыше 2000 листов гербария, что дало возможность определить значительную часть наших образцов, но некоторые из них остались для дальнейшего изучения. В ходе этой работы был обследован весь живой материал этого рода, представленный в ботанических садах СССР.

В 1957 г., наконец, был изготовлен проект реконструкции оранжереи, предусматривавший поднятие остекленной крыши на 2,5 м в двух смежных отделениях, пристройку небольшой оранжереи для папоротников, устройство новой котельной с углехранилищем и рабочих помещений. Этому предшествовали мои многие обращения начиная с 1954 г. в различные проектные организации, которые после знакомства с проектным заданием отвечали отказом. Только в 1956 г. за проектирование взялось проектно-инвентаризационное бюро Василеостровского исполкома, сотрудники которого стали по совместительству сотрудниками Ботанического сада.

В ходе работы по проверке определений наших оранжерейных растений я столкнулся с необходимостью строгой ревизии определений всех без исключения растений, что привело, в частности, к обработке интересного эндемичного представителя Восточной тропической Африки — рода Сенполия. Занявшись этим родом, я установил, что помимо мне известных видов, были описаны еще ряд новых, в том числе два — в США.

Печатного издания, в котором были бы опубликованы описания этих видов, в СССР известно не было, поэтому с целью получения их описаний я завязал переписку с Америкой. Параллельно я обратился с письмом в Лондонский Ботанический сад в Кью, где по литературным данным были описаны другие виды. В результате я получил не только интересовавшие меня описания, но и черенки всех растений, послужившие основанием для создания у нас коллекции растений этого рода.

В 1958 г. из-за отсутствия подрядчика дело с реконструкцией оранжереи не сдвинулось ни на шаг.

В мае 1959 г. решением Бюро Совета Ботанических садов СССР я был избран членом комиссии по координации деятельности Ботанических садов МВО, что привело к необходимости заниматься вопросами деятельности ряда Садов.

Поскольку наша коллекция декоративно-цветочных растений к этому времени была признана одной из лучших в стране, в августе 1959 г. на координационном совещании по проблеме «Научные основы озеленения СССР» при Совете Ботанических садов СССР на наш Сад была возложена работа по расширению ассортимента ценных декоративных растений в Северо-Западной зоне (сбор коллекции, отбор устойчивых и особо ценных видов и сортов, создание новых форм, их первичное размножение, разработка рекомендаций по агротехнике и т. п.). С этого времени к нам стали поступать все образцы семян, получаемые из различных источников Главным Ботаническим садом АН СССР, их испытывали в наших условиях, воспроизводили семена и возвращали их в ГБС. За счет этой работы город получил от нас разнообразный исходный материал для размножения и использования его в озеленении, снабженный рекомендациями по его агротехнике.

В конце 1959 г. Университету, после его посещения одним высокопоставленным лицом, были неожиданно выделены на 1960 г. дополнительные средства на капитальный ремонт зданий, за счет которых многое можно было сделать, на что не хватало денег. Но для этого нужно было, чтобы уже осенью этого года были готовы все необходимые документы и согласования. Таким объектом оказалась наша оранжерея. Но одновременно выяснилось, что реконструкцию за счет денег, выделенных на капитальный ремонт делать не разрешается. Однако мне удалось найти инструкцию, где было сказано, что в виде исключения разрешается строить котельные за счет средств, отпущенных на капитальный ремонт, на основании чего я добился разрешения от главного инженера Коммунального банка, и наша оранжерея была включена в план 1960 г. и определен подрядчик — 1-й трест Управления капитальным ремонтом жилых домов Ленгорисполкома.

В январе 1960 г. мне удалось совершить поездку по некоторым городам Чехословакии, где я побывал в Ботанических садах, а на обратном пути посетил Сады в Ужгороде и Черновцах. Из всех Садов я привез много интересных, отсутствовавших у нас растений. Ранней весной начались работы по реконструкции оранжереи. Сначала разобрали стены котельной в нашей единственной комнатке, но не затрагивая оранжереи,

где были растения, которые можно было вынести только после наступления тепла, и не трогая действовавший котел, обогревавший оранжерею, к которому была сделана временная железная труба взамен сломанной кирпичной. После выноски растений на улицу приступили и к остальной сломке. О тех трудностях, которые пришлось нам пережить, говорить не приходится. В течение всего лета шло строительство, но ко времени наступления осени до окончания было еще далеко. Не начаты были работы по монтажу отопительных котлов и отопительной системы. Однако выход был найден: мы использовали старые аварийные печки, имевшиеся с прежних времен, которые я не разрешил сломать, и за счет этого примитивного отопления мы поддерживали необходимую температуру и убрали с улицы растения. Отопительная система была введена в строй только в декабре.

В один из воскресных дней этой трудной осени по какому-то поводу был организован общеуниверситетский воскресник. Так как в Саду никаких работ не намечалось, я был дома. Неожиданно по телефону наша дежурная сообщила мне из Сада, что пришли студенты ломать ограды Ботанического сада и на ее протесты не реагируют, ссылаясь на указание свыше.

Когда я через некоторое время приехал, оград уже не существовало. Лежали груды дров, примыкавшие к ограде растения были потоптаны или поломаны. В поисках кого-либо из начальства для выяснения имени автора недоброго распоряжения я встретил ректора, которому сообщил о случившемся. Ректор спросил, почему я к нему обращаюсь. На этот странный вопрос я ответил, что раз он является ректором, то я полагаю, что он может вмешаться и наказать виновного, и попросил его пойти со мной посмотреть на результаты необдуманных действий. Он неохотно пошел со мной, а придя, похвалил студентов: «Молодцы ребята, хорошо поработали!» Войдя на территорию Сада, ректор спросил меня: «А зачем Саду ограда? Ведь здесь самое красивое место в Университете. Пусть все, кто хочет, любуются красотой».

В связи с этим эпизодом мне вспоминается разговор, который состоялся с тем же ректором задолго до случившегося. У меня отбирали работника со ставкой в самый разгар работы; я просил несколько отсрочить это дело, на что услышал: «Не понимаю, зачем Вам люди? Ведь растения сами растут!» (Александров). Мне нечего было ответить...

Однако несколько дней спустя после сноса ограды по распоряжению этого же ректора был установлен временный забор, собранный из щитов, а уж мусор и старые доски пришлось убирать нам. Этот забор простоял до момента устройства современной металлической ограды, установленной за счет средств, предназначенных для реконструкции оранжереи. В конечном результате это привело к тому, что строители, исчерпав средства, ушли, не успев произвести внутренние отделочные работы во всех помещениях, кроме самой оранжереи. Оставшуюся работу выполняла на следующий год строительная контора Университета.

В течение предшествовавшей зимы мною был составлен проект пристройки помещений семенной лаборатории с небольшой разводочной оранжереей, предусматривавший создание нормальных условий для обработки и хранения семян, сохранения маточных растений для открытого грунта, осуществления посевов. Однако с наступлением весны средств на это не выделили и надежд на постройку почти не было.

Летом 1961 г. осуществлялась надстройка второго этажа соседнего с нами здания астрономической обсерватории, построенной еще в 1883 г. известным русским

астрономом профессором С. П. Глазенапом. В случайном разговоре с руководителем помещавшейся в переустраиваемом здании лаборатории службы времени А. В. Ширяевым я поделился своим горем. На это он мне сообщил, что мог бы выделить некоторую сумму для устройства фундамента из отпущенных на надстройку средств без ущерба для последней, но при условии, если котлован для фундамента мы выроем своими силами. Нашими силами сделать это было невозможно...

На следующий день, беседуя с аспирантом-китайцем кафедры физиологии растений, работавшим у нас в Саду, я упомянул о своих трудностях. Посочувствовав мне, Ло-Мин-Дянь (так звали аспиранта) сказал, что он не уверен, но может быть ему удастся помочь мне. На следующий день он привел какого-то своего соотечественника, который детально интересовался необходимым объемом работ и в заключение предложил пойти с ним в общежитие на Мытнинскую набережную для разговора с руководителями китайского землячества. После разговора с последним мне было выражено сожаление, что им слишком поздно стало известно о моих затруднениях, и сообщено, что они взялись помочь какой-то стройке, и поэтому не смогут помочь нам, так как там большой объем работ. Я, поблагодарив за доброе отношение, ушел огорченный. Но на следующий день пришел представитель китайского землячества и сообщил, что они обсудили все и решили за счет перевыполнения программы на стройке сэкономить пять дней, в течение которых будут работать у нас, и придут к нам на следующий день. В назначенный час следующего дня пришло около 200 человек и приступили к работе.

За пять дней они не только вырыли вручную котлован объемом более 50 кубометров, но и всю вынутую землю на носилках вынесли на открытый участок, подлежащий поднятию, предварительно сняв культурный верхний слой, а затем все разровняли. Их работой можно было любоваться! Они трудились быстро, слаженно, без каких-либо перерывов, с песнями и шутками. Отдыхали все по очереди, так что работа ни на минуту не останавливалась. На пятый день я всех их благодарил за бескорыстную помощь... Фундамент был заложен, стройка началась и была закончена осенью 1962 г. Небольшое двухэтажное здание состояло из четырех маленьких комнат: разборочной, фасовочной, хранилища семян и раздевальной, а также пристроенного к ним оранжерейного помещения, получившего название «малой оранжереи», в отличие от старой «большой».

В итоге двух строек мы получили прибавку в высоту и около 100 кв. м оранжерейной площади, около 180 кв. м рабочей площади и бытовых помещений с душевыми и туалетами, а также новую, более мощную котельную, которая могла обеспечить теплом и будущую высокую пристройку, которая включалась в план второй очереди через 3–4 года.

Можно было некоторое время жить спокойно...

К этому времени многие старые и опытные работники Ботанического сада стали покидать его, уходя на пенсию, в результате чего постепенно весь штат обновился за счет случайных людей, главным образом молодежи, студентов вечернего отделения или претендентов на поступление в Университет, на обучение которых я затрачивал немало усилий (как позже оказывалось — бесполезных), так как они вскоре увольнялись, и приходилось все начинать сначала. Такое положение сохраняется и до настоящего времени, что все чаще и чаще приводит к разрушению того, что было сделано за многие предшествующие годы, в том числе и к гибели крупных и наиболее ценных растений...

Еще в 1959 г., идя навстречу нашим соседям — физиологам животных, я имел неосторожность дать согласие на постройку взамен существовавшего собачника нового помещения, выделив для этого участок территории Сада на его окраине. При этом поставил условие, чтобы строение было не более одного этажа и не давало тень, мешающую нашим посадкам, чтобы оно было полностью изолировано от Сада и не имело бы окон и дверей, обращенных в сторону последнего. Условия были приняты и между нами было заключено джентльменское соглашение. Началось проектирование, но почему-то все, связанное с этим, от меня тщательно скрывалось. Только когда в 1960 г. было начато строительство, я обнаружил, что все условия нашего соглашения нарушены. Здание строится двухэтажным, с окнами и входами, обращенными в Ботанический сад. Когда я попытался выяснить причину несоблюдения условий соглашения, мне было сказано, что в этом виноваты проектировщики и изменить или исправить что-либо теперь уже невозможно. В связи с этим, отлично понимая, что переделывать проект уже поздно, я поставил вопрос об устройстве изолирующей ограды; трасса ее была согласована и нанесена на строительные чертежи. Виварий, как он стал именоваться, был построен, а ограда так и не появилась. Я понял, что дважды был обманут. Я был настолько наивен, что верил людям, представлявшим все те же интересы нашего Университета, на стороне которых стоял и я.

Поздней осенью с помощью нанятого мною рабочего был установлен забор из деревянных щитов по ранее согласованной трассе, который вызвал бурю негодования со стороны владельцев вивария. Посыпались жалобы на меня, на мое, якобы, самоуправство.

Спустя некоторое время, когда я отсутствовал, сопровождая в Ботанический институт нашего гостя из Польши, забор был сломан, и множество клеток с кроликами расставлены в Саду на площадке, приготовленной для постройки каменного сарая взамен сносимого деревянного по требованию пожарного надзора, оказавшегося после реконструкции оранжереи в ближайшем соседстве с ней.

Ботаническому саду в наследство был оставлен весь строительный мусор после стройки и полуразрушенный старый собачник. Нам пришлось все убирать с помощью школьников, вызвавшихся помогать нам в порядке прохождения трудовой практики. На основании сломанного собачника я в 1963 г. построил своими силами из парниковых рам поныне существующую небольшую гелиотепличку, в которую на лето мы выносим некоторые наши растения из оранжереи. В этом же году в соседстве с гелиотепличкой я устроил еще две небольшие альпийские горки.

В 1960 г., несмотря на мои протесты и запрет Инспекции по охране памятников, по распоряжению проректора Университета был проложен через Сад электрокабель. В 1961 г. через Сад проложили трассу газопровода для Института им. Отта и еще один кабель к университетской столовой. Эти последние прокладки проходили вдоль здания кафедры Генетики, причем были уничтожены ценные дальневосточные растения, когда-то привезенные В. Л. Комаровым, в том числе старый экземпляр амурского винограда, обвивавшего стену здания. По этому поводу в газете «Ленинградский Университет» одной из ее корреспонденток² была помещена статья «И виноград смолчал» (№ 1228 от 6 октября 1961 г.).

По окончании строек в зимние месяцы я занимался изучением особенностей формирования особых наростов у семян Фикуса Кришна, выращенного из семян,

² Светлана Гаврикова, с 1981 г. работает на радио.

полученных от профессора Сен-Гупта из Индии; занимался проверкой определений оранжерейных растений нашей коллекции. Был приглашен для консультаций в Каменец-Подольский Ботанический сад, где провел работу по определению растений их оранжерей.

Последующие 1963 и 1964 гг. прошли без построек, однако мне пришлось заниматься подготовкой и составлением проектного задания на проектирование реставрационных работ в Саду: дорожной сети, посадок и т. д., чтобы по возможности вернуть ему прежний облик времен его организации при А. Н. Бекетове.

Вдоль вивария мною была установлена металлическая ограда на каменном цоколе по образцу всей ограды Сада, установленной в 1960 г.

Зимой во время отпуска побывал по просьбе Армянской Академии наук в Ереване, где в Ботаническом саду определял и этикетировал их коллекцию оранжерейных растений.

В этот же период началось проектирование строительства нового Университета в Петергофе, и мне пришлось готовить расчеты на постройку Ботанического сада там. Одновременно я изложил на имя ректора свои общие соображения и наброски, связанные со строительством нового Ботанического сада.

В 1965 г. был изготовлен Реставрационными мастерскими Ленгорисполкома проект реставрационных работ на территории Ботанического сада. Так как эти работы на ближайшее время не включались в план для выполнения, я предпринял своими силами работы по пересадке растений в соответствии с этим проектом. С помощью студентов-ботаников, проходивших под моим руководством практику, в Саду были пересажены некоторые крупные кустарники на новые места.

Вечерами осуществлял реставрацию участка берега пруда недалеко от грота, очистив от наслоений земли его каменное оформление, привел в порядок и сделал посадки папоротников и других растений на площадке у грота, выложил искусственное ложе ручья, вытекающего из него.

К концу 1965 г. наша коллекция растений насчитывала: в оранжерее около 2000 видов, травянистых растений в грунте около 4000 видов и сортов, однако количество древесных и кустарниковых растений несколько уменьшилось за счет уничтожения растений при строительстве и земляных работах и гибели некоторых старых деревьев, поваленных ветром.

В связи с тем, что после длительного перерыва в несколько десятков лет, восстановился обмен семенами с зарубежными странами, мы стали получать значительные количества семян из различных стран мира. Нам удалось сделать посевы многих интересных растений, отсутствовавших в СССР. Была опубликована моя статья, посвященная Сенполиям. К сожалению, редакция сильно урезала ее, исключив, с моей точки зрения, самое интересное, касающееся дикорастущих видов в природе и неизвестных большинству в СССР и собранных мною у нас в Саду.

В 1966 г., в порядке реставрации посадок, я продолжил пересадку ряда крупных кустарников, неудачно посаженных в разные годы, и высадил кустарники, выращенные на нашем маленьком питомнике из семян. Посадки были сделаны вдоль дорожки у вивария, около площадки, узурпированной для размещения кроликов, и напротив Химического института у ограды. Все эти посадки были сделаны мною вечерами. Была также подготовлена площадка для размещения участка местной флоры, освобожденная в результате пересадки кустарников. Здесь были удалены корневищные сорные

растения, произведена обработка гербицидами и выложены плитами из камня главные дорожки (теперь здесь участок редких и исчезающих растений Северо-Запада).

В этом году неожиданно покинули нашу территорию последние кролики, поселившиеся после сессии ВАСХНИЛ в 1949 г. Как полагается, нам в наследство был оставлен весь мусор, ломаные клетки, навоз и прочий хлам, который убирать пришлось нам.

Мною вновь на имя ректора были изложены соображения о подготовке проектирования Ботанического сада в Петергофе. Я готовил списки древесных и кустарниковых растений, делал расчеты, наметку размещения участков, строений и их облика.

В конце года принял участие в совещании по защите интродуцированных растений при Главном Ботаническом саду АН СССР в Москве. После заседаний все собравшиеся руководители вузовских Ботанических садов, в их числе и я, посетили Министерство Высшего образования СССР с петицией, поддержанной Советом Ботанических садов, по поводу того неблагоприятного положения, в котором оказались университетские и другие Ботанические сады при учебных заведениях. Нас выслушали с вниманием и пообещали предпринять кое-какие шаги для исправления положения.

В 1967 г., наконец, мне удалось заказать проект новой высокой оранжереи. За эту работу взялось все то же Проектно-инвентаризационное бюро Василеостровского района.

Летом приступили к постройке двух объектов: экспериментальной оранжереи, взамен сносимого деревянного строения вегетационного домика, которым обычно летом пользовались сотрудники кафедры физиологии и биохимии растений; вторым объектом был новый каменный сарай на месте, где самовольно физиологи животных разместили своих кроликов, к этому моменту уже переведенные в здание вивария, так как в последнее время их стали регулярно воровать на жаркое. Конечно, мусор и ломаные клетки были оставлены нам для уборки.

Наши соседи по циклотронной лаборатории начали строить новый лабораторный корпус. При рытье котлована под фундаменты я завез в Сад несколько машин земли с целью использования для подсыпки при выравнивании площадки для устройства розария. Эта площадка была занята крупными кустами сирени еще в 1915 г., когда во время первой мировой войны в здании общежития «Научка» был устроен лазарет, а прилегающая к нему половина Ботанического сада отведена для прогулок раненых.

Устройство розария было предусмотрено проектом реставрации территории, осуществлять который пока не удавалось. Позже упомянутые кусты сирени были нами (общими усилиями) выкопаны и перевезены на новые места, где и посажены. Освободившийся участок я выровнял и сделал разбивку для посадок роз, а дорожки между куртинами выложил целыми лещадными плитами или их кусочками, привезенными мною на тележке от здания исторического факультета, где в это время под арками производили ремонт замощения, а старые плиты выбрасывали. Весною следующего года посадки роз были осуществлены; они включали около 300 кустов роз различных групп и должны были иллюстрировать работу человека над созданием того сортового разнообразия, каким сейчас представлены розы. В данный момент, когда я пишу об этом, от розария почти ничего не осталось, так как после трех лет личного ухода за коллекцией я из-за отсутствия времени вынужден был поручить это своим сотрудникам, что постепенно и привело к современному положению.

В этом году в Ботаническом журнале вышла моя статья, посвященная номенклатуре некоторых видов фикусов и результатам наблюдений за развитием морфологических

структур у фикуса Кришна, которые оказались больными растениями широко известного бенгальского фикуса, а не особым видом, каким его считал Казимир Декандоль.

В 1968 г. был получен изготовленный проект новой оранжереи, надо было добиваться средств на его осуществление и включения в план.

Вечерами продолжал выполнять некоторые работы, связанные с проектом реставрации: было исправлено направление некоторых дорожек в прежнем виде, их борта обложены камнем; одна из дорожек, ведущая к пруду, вымощена лещадной плитой, уложены ступени-спуски к пруду и ступени, ведущие на крышу построенного каменного сарая, где были сделаны посадки горочных растений (ныне погибшие), для чего предварительно натаскана земля.

Летом по заданию Министерства в Москве занимался обобщением опыта учебной и научно-исследовательской работы Ботанических садов и агробиостанций университетов РСФСР. Эта работа способствовала продвижению вопроса о признании Ботанических садов научными учреждениями, чего мы коллективно добивались при поддержке Совета Ботанических садов начиная с 1954 г.

Вокруг участка декоративно-цветочных растений произвел разбивку новой окружной дорожки, спланировал ее и сделал необходимые уклоны для стока воды. Неоднократно по воскресным дням посещал территорию, отведенную для строительства Ботанического сада в Петергофе, где по моему указанию были вырыты шурфы для выяснения почвенного разреза, его состава и глубины. В результате этой работы мною вновь были изложены ректору соображения, связанные с предстоящим проектированием строительства.

Ботаническим садам ряда городов (по их просьбе) оказал консультации по вопросам определения их оранжерейных растений. Такая помощь была оказана Ботаническим садам в Киеве, Казани, Горьком, Томске, Алма-Ате, Баку, Ашхабаде.

В 1969 г. на Ботанический сад Университета обрушилась новая беда: для строящегося лабораторного корпуса циклотронной лаборатории потребовалась прокладка канализации, и другого пути, как только через Сад, не оказалось. Трасса проходила по засаженной многолетними растениями площади длиной около 40 м и шириной около 20 м. Перед началом работ давалась гарантия полного восстановления участка после их производства. Всю весну наши весьма ограниченные силы были брошены на пересадку растений на временное место. Затем был снят верхний культурный слой земли и сложен в виде вала по границе остающихся посадок. Все работы по прокладке канализации производились с применением механизмов и подъездом автотранспорта. Естественно, что после этого разбитые мною накануне новые дорожки были разрушены.

Когда эти работы были завершены, площадь так и осталась невыровненной, с массой выкопанных камней и уплотненная при езде автотранспорта. Все, кто гарантировал полное восстановление участка, под разными предлогами от этого устроились, и мне пришлось частным образом, за особую плату, просить бульдозериста разровнять участок. После этого окончательно выравнять участок пришлось мне, так как мои сотрудники были заняты многими текущими работами, связанными с уходом за растениями. Выкопанные весной многолетние растения осенью были возвращены на свои места.

Осенью этого же года наша постройка новой оранжереи была включена в план Управления капитального ремонта Ленгорисполкома и поручена одному из Строительно-монтажных управлений 1-го треста. На этом все и закончилось, так как с наступлением строительного периода к работам никто не приступил. К концу лета

строители возвратили нам наш проект и потребовали его переделки в более солидной проектной организации, чем Проектно-инвентаризационное бюро Василеостровского исполкома. Пришлось искать такую организацию. После больших и безуспешных усилий и посещения многих проектных организаций проектировщик одного из проектных институтов взялся за переделку проекта частным образом. Руководством Университета была гарантирована оплата его труда. Через некоторое время проект был переделан, составлены новые чертежи, но оплачивать изготовление проекта пришлось мне, для чего пришлось занимать деньги у своих знакомых, так как сумма была довольно солидная. Готовый проект был передан строителям, и строительство было включено в план 1970 г.

Когда отмечали 150 лет со дня основания нашего Университета — этим были заняты все. Я вновь разбивал нарушенные прокладкой канализации дорожки. Были сделаны массовые посевы семян кактусов в расчете на скорое начало постройки новой оранжереи в количестве 130 видов для восстановления нашей коллекции этих растений.

Уход за отделением с размещенными в нем суккулентными растениями, в том числе кактусами, в связи с выходом на пенсию работника, подготовленного мною в течение нескольких лет, целиком перешел в мои руки, так как взамен ушедшего никого не было.

Этот год ознаменовался изменением нашего штата: нам добавили три ставки биологов, оплата которых была равной оплате старших лаборантов. Использовать эти ставки мы не могли, так как не было подходящих кандидатов. На бумаге наш штат теперь составлял, включая меня, 22 человека, хотя объем работы к этому времени вырос во много раз по сравнению с послевоенным временем, да и имеющиеся ставки постоянно оказывались незанятыми из-за низкого уровня оплаты труда.

Начало 1970 г. ознаменовалось Распоряжением Совета Министров СССР, которое присвоило некоторым Ботаническим садам и Астрономическим обсерваториям уни-

Рис. 2. Д.М. Залесский (слева) и Н.А. Миняев

верситетов статус научных учреждений, в том числе и нашему Саду (рис. 2). Но это, по сути, не изменило нашего положения, за исключением замены названия биологов на младших научных сотрудников и добавления одного старшего лаборанта и одного лаборанта. Наш штат стал состоять из 24 единиц.

В этом году возникло новое посягательство на нашу территорию: генетики надстраивали свое здание; электрокабеля, проложенного ранее, было недостаточно; нужно было проложить параллельно второй. Эту работу выполняли сотрудники кафедры во главе с ее заведующим М. Е. Лобашевым и провели ее с минимальным уровнем для Сада, а после окончания работы навели относительный порядок.

С другой стороны, для связи циклотронной лаборатории со зданием Физического института оказалось необходимым проложить кабель через Сад, по тем дорожкам, которые я только что сделал после их разрушения при устройстве канализации. Эти работы велись случайными силами, ни на что не обращающими внимания и поэтому нанесшими Саду значительный ущерб.

Летом 1970 г. удалось провести капитальный ремонт четырех отделений оранжереи, заменить устаревшее освещение новым, более совершенным. Опять новая оранжерея была в плане УКР Треста № 1, который так и не приступил к работам, хотя и принял исправленный проект, и делал вид, что намеревается воплотить его в жизнь.

Протянув так до большей половины строительного сезона, трест добился исключения из плана нашего строительства, перенеся его на 1971 г.

К 1970 г. коллекции растений в оранжерее превысили 2000 видов, в открытом грунте — 6000 видов и сортов травянистых растений, деревья и кустарники оставались на прежнем уровне.

Начали организацию участка местной флоры, ограничив задачу подбором редких и исчезающих видов растений, так как при нашей общей ограниченной площади и насыщенности ее посадками, мы не располагали возможностью на большее. Эта работа была поручена молодому ботанику, выпускнику кафедры ботаники В. И. Симачеву, занявшему должность младшего научного сотрудника.

В 1971 г. продолжались тяжелые хлопоты в связи с включением в план нашей постройки, затянувшейся более чем на 8 лет против первоначально намеченного срока. Строительство включено было в план Треста № 1, который категорически отказался вести работы и добился исключения их из плана, причем в сроки, когда корректировка плана Ленпланом не допускается. После больших усилий с нашей стороны наша стройка была перенесена в план другого треста — Фасадремстрой 2, которому были переданы все наши документы. Для начала строительства время было упущено, его перенесли на 1972 г., когда весной неожиданно Фасадремстрой добился вновь исключения из плана, и Ленплан с этим согласился. Восстановление в плане потребовало с нашей стороны максимума усилий.

Это удалось сделать в результате нашего обращения с письмом, к которому были приложены фотографии, иллюстрирующие нашу тесноту и недостаток высоты, адресованным Председателю Ленгорисполкома А. А. Сизову, который наложил резолюцию, оказавшую решающее действие. Вот она: «Яковлеву (нач. УКР) Делать беспрекословно, за сохранность растений отвечаете Вы — УКР».

Эта надпись на нашем письме была сделана 7 марта 1972 г. и через несколько дней стройка была восстановлена вновь в плане, и трест «Фасадремстрой 2» с 20 мая приступил к подготовке и строительству, производя работы по сносу мешавших строений и двух крупных тополей, каменного парника, «кошачьего домика», участка кирпичной стены, оставшейся от бывшей ограды. Срок окончания работ был установлен самими строителями — 1 сентября 1972 г.

Так как строителей фактически заставили приступить к работам, вопреки их желанию и намерениям, они оказались необеспеченными необходимыми материалами и заготовками. В частности, не оказалось металла — одного из наиболее нужных материалов, которого нужно было около 60 т.

Выручило строительство Университета в Петергофе: за счет него был выделен необходимый металл и отправлен на завод для изготовления деталей конструкций.

К августу был заложен только фундамент. Конструкции изготовлялись на заводах. Мои неоднократные посещения заводов показали, что при тех темпах, какими выполнялись наши заказы, необходимые детали конструкций будут изготовлены в лучшем случае через год. Мне пришлось вмешаться и договориться с начальником

цеха о выполнении наших заказов в две смены, но вторая смена должна оплачиваться нами. Пришлось рабочих зачислять к нам...

Таким образом, мы добились того, что уже в сентябре стали поступать на строительную площадку изготовленные конструкции и можно было начинать их монтаж.

Аналогичное положение сложилось и с деревянными конструкциями. Их заказали по искаженным чертежам, и лишь после моего вмешательства они были переделаны с ущербом для их долговечности и прочности. Все это во многом зависело от того, что прораб, который активно начал вести работы, оказался пьяницей и на этой почве не вполне психически здоровым. Мне пришлось стать основным руководящим и наблюдающим за стройкой лицом. Позже и этот прораб был перемещен на другие объекты и к нам прислан мастер, знающий строитель, но пьяница, который портил и переводил много материала.

Работы велись всю зиму, хотя мороз и осложнял их. Был закончен монтаж металлических конструкций основной части оранжереи, начаты некоторые внутренние работы, установка стеллажей, устройство полов-дорожек.

Наша текущая работа хотя и была в значительной мере парализована, но продолжалась. Мне приходилось вечерами работать с растениями, день же целиком уходил на всякие организационные дела, в том числе в большей части связанные со строительством.

С наступлением весны 1973 г. работы на стройке стали оживляться, начали монтировать деревянные части и остеклять переплеты.

Как всегда, в начале июня мы вынесли растения из оранжереи на летние места. Вечерами, когда я освобождался от строительных дел, занимался приведением в порядок вынесенных в гелиотепличку кактусов. Во время этого занятия 18 июня почувствовал сильную боль в сердце и с этого дня вышел из строя, попав надолго в больницу с глубоким двухсторонним инфарктом миокарда.

В срочном порядке, без необходимой консультации со мной, мои обязанности были возложены на человека, совершенно не пригодного для этой работы. Он, правда, был очень подвижен (скорее суетлив) и регулярно навещал по моей просьбе меня и информировал о ходе дел. Я пытался через него передавать новому мастеру на стройке, заменившему скоростижно умершего предшественника, на что следует обратить внимание и что необходимо сделать в первую очередь, а исполняющего мои обязанности просил за этим проследить. Как оказалось потом, этот человек оказался недобросовестным и меня обманывал: в вопросы стройки не вникал, лишь озирал ее издали и руководствовался сообщениями мастера. Более того, он использовал свое новое положение для того, чтобы как можно меньше бывать на работе и занимался своими делами.

Когда после почти трехмесячного отсутствия я наведалься в Сад и, не утерпев, поднялся на леса стройки, то обнаружил: что многое сделано не только вопреки моим указаниям, но и вопреки чертежам проекта, что исправить было уже невозможно. И теперь, уже в ходе эксплуатации помещений, мы ощущаем эти неправильности и страдаем от них.

После больницы мне пришлось пробыть еще в санатории и, таким образом, в целом мое отсутствие продолжалось около полугода. Когда же хитростью избежав грозившей мне годовой инвалидности, а с нею и права на труд, я в начале января 1974 г. вернулся на работу и познакомился с положением дел, огорчений оказалось слишком много.

Проверяя состояние наших растений в оранжерее, я не нашел многих из них — они погибли. Это, в большинстве своем, были растения, на выращивание которых

потребовалось около 15–20 лет, да и многие из них были уникальны и их восстановление оказывалось, по крайней мере ближайшие годы, невозможным. За время моего отсутствия было полностью утрачено свыше 200 видов растений, представленных 1–5 экземплярами, т.е. всего не менее 400 растений. В открытом грунте тоже не оказалось некоторых растений, в том числе оказался кем-то срубленным единственный экземпляр краснолистного клена Шведлера.

К маю 1974 г. значительная часть оранжереи была полностью остеклена, не были лишь доделаны три боковые секции с бассейном в одной из них. Впервые после болезни я начал себя пробовать на физической работе. Вначале приступил к строительству новой горки из собранных при строительстве камней, работал лопатой, носил, поднимал. Все обходилось без заметных отрицательных последствий. Это дало мне возможность увеличить нагрузки.

Темпы строительства с некоторых пор улучшились, появилась реальная надежда на его окончание в этом году. Завершены были общестроительные работы, шли работы по устройству водопровода, канализации, отопления, позже и освещения. В ходе монтажа отопительной системы я обнаружил существенные отклонения от проекта, которые шли вразрез правилам устройства отопительной системы оранжереи. На соответствующем совещании со строителями выяснилось, что эти изменения сделаны с согласия проектировщика, что не должно было быть сделано без моего согласия. К сожалению, я не получил должной поддержки со стороны проректора по строительству, а он для строителей являлся официальным заказчиком, и все осталось неизменным с моей записью в акте моего особого мнения.

По мере движения строительства территория, прилегавшая к нему, постепенно очищалась от мусора и оставшихся кряжей и пней, от спиленных двух тополей. Мои вечерние работы были связаны с благоустройством прилегающих участков, замощением дорожек, их обкладкой по краям камнями. Часть камней была привезена нами и получена в подарок от Петропавловской крепости, где камни остались после ремонта Зотова бастиона. Это были известковые лещадные плиты, которые я аккуратно раскалывал вдоль и устанавливал в виде поребрика...

Занялся я этой работой, потому что возникла реальная надежда (в связи с предстоящим в 1975 г. Международным ботаническим Конгрессом) выполнить в этом году с помощью специализированной организации некоторые реставрационные работы, намечавшиеся уже несколько лет назад, но эта организация от устройства поребриков категорически отказалась. Сделать их иным способом, кроме как своими руками, возможности не было. Весь камень, запасенный мною, был использован, но его оказалось мало, и в нескольких местах дорожки временно пришлось обложить досками.

За лето с помощью строительной конторы Университета мы привели старую оранжерею во внешне приличное состояние, отложив намеченные более капитальные работы на период после конгресса, которые сделали лишь в 1980 г.

31 августа 1974 г. новая оранжерея с целым рядом недоделок была принята в эксплуатацию. В сентябре с помощью студентов нашего факультета под руководством специалистов от строительной организации были выполнены работы по благоустройству, замощены и укатаны все дорожки Сада, вычищен пруд, начали переносить растения в новую оранжерею.

Наступил 1975 год. Зима была мягкая, и проверить работу системы отопления было трудно, хотя и были выявлены некоторые ее отрицательные стороны. Мы гото-

вились к приему гостей — участников Конгресса: выращивали новые водные растения, которых у нас никогда не было из-за отсутствия бассейна, делали занавеси для притенения растений, материал для них пришлось «добывать» мне через Главснаб Министерства.

В 1975 г. неожиданно возникла опасность потерять значительную часть территории Сада. На основании решения городских властей при согласии Инспекции по охране памятников в ближайшем соседстве с новой оранжереей наметили строить районную водопроводную насосную станцию. Это касалось не только территории Ботанического сада, но и соседней с нами территории Астрономической обсерватории, так как для этого строительства требовался снос всех строений с этой части территории Университета — всех астрономических строений, наших экспериментальной оранжереи, малой оранжереи с помещением семенной лаборатории и парников, не говоря уже о многолетних посадках небольшого питомника и различных травянистых растений.

Мне пришлось вести упорную войну для предотвращения этого нелепого намерения: бывать на разных заседаниях, выступать от имени Университета с протестами и доказательствами абсурдности и недопустимости принятого решения. Для этого были использованы многие документы, которые удалось срочно собрать от разных учреждений и ведомств. В результате решение о строительстве насосной станции было пересмотрено и найдено новое место, по соседству, но за пределами Обсерватории и Сада. В этом вопросе решающую положительную роль сыграл архитектор И. И. Фомин.

Из того, что изложено и посвящено годам работы в Университете, представляет собою простое перечисление далеко не всех фактов, дел и событий. На самом же деле это все было куда более сложным и трудоемким, требовавшим сил, времени и колоссального нервного напряжения.

Наступил тридцать первый год работы, но мы вновь и вновь сталкивались со множеством трудностей, преодоление которых требовало не меньшей затраты сил, энергии и нервов.

За последние 3–4 года наш штат почти полностью обновился, а в некоторой части по 2–3 раза. Оставшиеся старые сотрудники относятся к той категории работников, которые стремятся как можно меньше сделать и как можно больше получить, если не для кармана, то для своих личных выгод. Они смотрят на работу, как на бремя, им все безразлично.

Те сотрудники, которые заняли должности младших научных сотрудников, для Сада делают абсолютный минимум, большая же часть их сил и времени направлена на исполнение своих личных дел. У одних — стремление защитить диссертации, у других — личные домашние дела. Попытки бороться с этим результатов не дают и сильно нервируют.

В результате я оказываюсь один, или почти один, мне не на кого опереться, я должен заниматься каждой мелочью, следить за каждым из сотрудников, иначе происходит непоправимое: растения гибнут, или их перемещают, не советуясь со мною, в совершенно неприемлемые условия, утверждая при этом, что они это делают правильно, а я, де, отстал от тех новых сведений, которыми руководствуются они. В результате я чуть ли не ежедневно констатирую разрушение или уничтожение того, что с таким трудом удавалось сделать до сих пор.

В настоящее время, когда кончился 1976 и начался 1977 г., помимо обновления штата, многие сотрудники ушли вовсе, и число их оказывается меньше, чем на бумаге.

Так, в отделениях оранжереи, где раньше работали по 2–3 человека, налицо только по одному. Все новички или временные работники, для которых безразлично, будут ли растения живы или погибнут. Да и на каждого работника приходится такое количество растений, которые они не в силах обслужить. Они едва успевают полить растения. А ведь уход за растениями требует значительно большего. Это целый комплекс работ, слагающийся из множества перемежающихся мероприятий, которые должны быть проведены своевременно. Например, мытье и чистка растений, защита и борьба с вредителями и болезнями, подвязка и удаление отмирающих частей, своевременная пересадка, иногда — перевалка (увеличение посуды без разрушения кома земли), приготовление земли, ее заготовка, просеивание, составление смеси, мытье и дезинфекция посуды; в летнее время — выноска растений на открытый воздух, расстановка их на местах, прикапывание и организация ухода на месте. Осенью те же растения должны быть возвращены в оранжерею, а до этого — вымыты и вычищены. В открытом грунте необходимо обработать землю, вырастить растения, высадить их, вести уход, пропалывать, подвязывать, поливать, формировать; собрать семена, очистить их, проветрить, рассортировать, клубни и клубневые луковицы выкопать, очистить, заложить на хранение и в течение зимы регулярно проверять и просматривать, удаляя всякие признаки гнили или другой порчи. Необходимо подготовить кадки, ящики, т. е. изготовить их, привезти купленные горшки (погрузить их и разгрузить), отремонтировать инвентарь и т. д. и т. п.

И для всего перечисленного нужны люди, и люди квалифицированные и любящие свое дело. А в действительности их нет!

Может ли существовать на необходимом уровне Ботанический сад и его коллекции. Он до тех пор Ботанический сад, пока его коллекции содержатся на высоком уровне, иначе он превращается только в склад растений, которые постепенно гибнут.

На фоне этих условий, в которых пока еще жив Ботанический сад, мне приходится брать на себя совершенно непосильную работу, полностью исключая какую-либо научную работу. Это вызывает, подчас, упреки в мой адрес с обвинениями в недостаточной научной продуктивности, и эти упреки воспринимаются непосвященным как вполне справедливые. К тому же не следует забывать, что силы мои убывают, работоспособность тоже в связи с возрастом.

Я не сделал того, что хотел сделать, что мог бы сделать, если бы не те обстоятельства, которые мне мешали. Многое осталось незаконченным, но все, что было в моих силах, я делал.

Сейчас не остается необходимых сил, и я больше не смогу ничего сделать. Более того, я вынужден повседневно наблюдать разрушение того, что с таким колоссальным трудом досталось и на восстановление чего нужны многие и многие годы. Лучше бы этого не видеть. Пусть думают, что так и было.

Если найдется подходящий человек, он продолжит мою работу. Если такого человека не окажется, то весь мой труд, труд всей моей жизни окажется напрасным, и все будет разрушаться и дальше...

Прошло еще несколько лет, и я не смог остановиться и продолжал работать, хотя условия с каждым годом ухудшались. Я тщетно ставил вопрос перед начальством о необходимости как-то помочь мне, сам же продолжал много работать, причем круг моей работы все увеличивался из-за отсутствия надежных помощников. Я работал ежедневно по многу часов и до поздней ночи. Правда, мне удалось добиться еще некоторых дополнений к штату, но подходящих сотрудников подобрать не удавалось.

Наметил себе, помимо всех текущих дел, закончить обработку наших оранжерейных растений, подготовить результаты этой работы к публикации и завершить подготовку к печати своей работы, посвященной Сенполиям, а также выполнить свой долг перед памятью А. Н. Бекетова — установить мемориальную доску на здании, где он жил. После завершения этого намеревался уйти на покой...

Однако на деле все произошло гораздо быстрее и не так, как я планировал.

Работая вечером 20 апреля 1981 г., я почувствовал, что мои левые нога и рука отказываются мне подчиняться. Я поспешил домой. Наутро левая сторона моего тела отнялась. Я надолго вышел из строя. В связи с этим кое-кто из начальства, проявляя «заботу» о судьбе Сада, стали поддерживать некоторых сотрудников Ботанического сада, желавших (без достаточного на то основания) распоряжаться делами, связанными с живыми растениями. И они при этой поддержке практически стали на путь разрушения всего того, что в течение долгих лет с большим трудом создавалось мною для Сада, для нашего Университета.

Когда я через полгода возвратился после болезни и обнаружил результаты деятельности упомянутых самонадеянных сотрудников, то глубоко задумался: смогу ли я при состоянии моего здоровья противостоять этому?

Взвесив все, я пришел к решению об уходе с работы и заблаговременно подал соответствующее заявление. При этом я был чрезвычайно поражен тем, что в ответ не было высказано, хотя бы ради приличия, ни единого слова сожаления по поводу моего ухода, мне, отдавшему восстановлению Ботанического сада 35 лет своей жизни. Напротив, было предпринято все для того, чтобы ускорить мой уход. Вслед за этим к моим болезням прибавилась еще одна — я сломал ногу и надолго лишился возможности ходить. Сейчас, по доходящим до меня сведениям, разрушение моей работы идет дальше и все более усиливающимся темпом, подтверждая мои опасения о напрасно затраченных мною годах нелегкой работы.

Февраль 1982 г.

Статья поступила в редакцию 1 апреля 2013 г.